

Юй Цзяньсин вспомнила, как однажды Чэн Чжаньси получила заказ на настенную роспись — то есть на создание фрески прямо на стене. Срок выполнения составлял три месяца, и двадцать девять дней из этого срока она провела в поисках вдохновения, чуть не лысея от тоски. В последний день, словно снизошло божественное провидение, она заперлась в комнате виллы заказчика и одним махом, широкими мазками расписала всю стену, создав грандиозное полотно, ставшее предметом долгих обсуждений в их кругу.

Юй Цзяньсин переехала сюда всего три месяца назад и предполагала, что в мастерской должно быть пусто, а работ — единицы. Однако к своему удивлению она обнаружила, что стены увешаны картинами.

Маслом было написано всего две-три картины, одна из которых — незавершённый этюд, над которым Чэн Чжаньси работала только что; краска ещё не высохла. Остальные были выполнены углём, акварелью или другими подручными материалами. Юй Цзяньсин внимательно разглядывала картины на стенах и на столе: на них были изображены либо профили, либо фигуры со спины, но ни одного лица анфас. Приглядевшись, она поняла, что все модели — один и тот же человек, и это женщина.

Чэн Чжаньси вернулась из ванной и заметила насмешливый взгляд Юй Цзяньсин.

— Что случилось? — с улыбкой спросила Чэн Чжаньси.

— Кого ты нарисовала? — не стала ждать ответа Юй Цзяньсин. — Твою невесту?

— ... — Чэн Чжаньси объяснила. — Нет, это незнакомка, которую я встретила, когда впервые приехала в Сычэн. Мне кажется, я немного... ну, понимаете.

Уголки её губ слегка приподнялись в едва заметной улыбке, но она не продолжила.

— Ну что? — настаивала Юй Цзяньсин.

— Это неважно, мы всё равно больше не встретимся, — отмахнулась Чэн Чжаньси.

Сычэн большой город, и если ничего неожиданного не случится, она не надолго здесь задержится. Того человека она оставила как приятное воспоминание. В жизни не всякую красоту нужно преследовать. Красота не может существовать вечно в реальности, но в памяти она может остаться навсегда.

— И ещё, — с долей усталости напомнила Чэн Чжаньси. — Хватит говорить о невесте, ты же всё знаешь.

Юй Цзяньсин расхохоталась.

Вспоминая этот свалившийся как снег на голову брак, Юй Цзяньсин тоже находила ситуацию весьма комичной.

Семьи Чэн и Вей обручили детей ещё в младенчестве, но тогда женихом для мисс Вей назначили старшего брата Чэн Чжаньси — Чэн Юаньси. Как назло, Чэн Юаньси любил мужчин, так что выполнить обещание было невозможно. В принципе, мать мисс Вей умерла при родах, и с годами все забыли об этом договоре, но семья Вей подняла этот вопрос вновь, и семья Чэн решила, что младшая сестра, Чэн Чжаньси, вступит в этот брак.

Мама Чэн и не думала насильно выдавать её замуж сразу же, она лишь уговаривала дочь

встретиться с невестой: если всё сложится хорошо, можно сначала полюбить, а потом вступить в брак. Но Чэн Чжаньси была свободной и независимой натурой: если на неё давили, она делала всё наоборот. Поэтому она сбежала из столицы прямо в Сычэн.

— Ты всё ещё смеёшься? — спросила Чэн Чжаньси.

Юй Цзяньсин прочистила горло и перестала смеяться.

— Вечером пойдём в бар развеемся? — предложила она.

— Не пойду, — отказалась Чэн Чжаньси.

Там шумно и многолюдно, лучше одной прогуляться по улице.

Чэн Чжаньси приподняла бровь и сделала встречное предложение:

— А на скалолазание пойдёшь?

Лицо Юй Цзяньсин тут же вытянулось.

Будучи внешне утончённой художницей, она не любила тихие занятия — это ещё куда ни шло. Но увлечение автогонками, скалолазанием без страховки и виндсёрфингом — не слишком ли многовато? Юй Цзяньсин подозревала, что в детстве Чэн Чжаньси надо было заниматься спортом, а не живописью.

Чэн Чжаньси с лёгкой усмешкой смотрела на неё.

— Я составлю тебе компанию в баре, а ты в эти выходные пойдёшь со мной на скалолазание. Идёт?

Юй Цзяньсин после недолгой внутренней борьбы, стиснув зубы, кивнула.

— Договорились.

Чэн Чжаньси слегка улыбнулась, с удовольствием сказав:

— Когда выходим? Я переоденусь.

Юй Цзяньсин взглянула на часы:

— Как только переоденешься, сразу и пойдём. Время уже позднее.

Чэн Чжаньси пожала плечами:

— Хорошо.

Юй Цзяньсин, приходя, специально нарядилась, так что ей не нужно было наводить красоту. Она подправила макияж перед маленьким зеркальцем и уселась на диван в гостиной, чтобы бездельничать с телефоном в руках, ожидая Чэн Чжаньси.

Услышав звук открывающейся двери, она подняла голову и посмотрела в сторону спальни. Глаза у неё тут же расширились.

Чэн Чжаньси надела белоснежную шёлковую рубашку, красиво драпирующуюся по фигуре, и

чёрные широкие брюки с высокой талией. Каштановые длинные волосы свободно ниспадали на спину, создавая образ зрелой и расслабленной элегантности.

Она была высокой и стройной, от природы обладая фигурой манекенщицы, поэтому всё на ней сидело прекрасно. Но то, что поразило Юй Цзяньсин — это винтажные очки в золотой оправе с цепочкой, которые Чэн Чжаньси надела.

Безупречный костюм в сочетании с её обманчиво кротким обликом создавал вокруг неё ауру интеллигентного развратника, что неизбежно привлекало внимание.

Юй Цзяньсин встала и тут же передумала:

— Не пойду.

Раз она выглядит так потрясающе, кто вообще будет смотреть на меня?

Чэн Чжаньси поправила очки пальцем, цепочка на шее слегка покачнулась в такт движению. За стеклами очков её миндалевидные глаза светились улыбкой:

— Как скажешь, мне всё равно.

Юй Цзяньсин стиснула зубы:

— Пойдём!

Я тоже выглядеть неплохо, по крайней мере, процентов тридцать людей будут смотреть на меня!

Бар назывался «Зеро», и в наши дни, когда однополые браки легализованы, это было довольно известное в местных кругах заведение для лесбиянок.

Юй Цзяньсин собиралась туда не на охоту, она просто хотела расслабиться и полюбоваться красивыми женщинами. Они вышли из машины у входа в «Зеро», и уже перед самой дверью Юй Цзяньсин вспомнила:

— Ах да, забыла поздравить. Твою «Снежную бурю» продали за три миллиона.

Чэн Чжаньси посмотрела на дверь бара, за которой уже виднелись мелькающие головы людей, и, бросив косой взгляд на Юй Цзяньсин, лениво произнесла:

— Тебе не кажется, что говорить такое здесь — немного несерьёзно?

Юй Цзяньсин громко рассмеялась.

Они вошли в бар и сели за барную стойку.

Юй Цзяньсин заказала коктейль. Чэн Чжаньси, закинув ногу на ногу, щёлкнула пальцами:

— Сок, спасибо.

Юй Цзяньсин:

— ...

— Тебе не кажется, что ты тоже ведёшь себя немного несерьёзно? — Юй Цзяньсин остановила бармена и по своей инициативе заменила сок на маргариту.

Чэн Чжаньси лишь улыбнулась и, от скуки, стала осматриваться по сторонам.

Она редко бывала в барах, больше развлекалась за границей. Художник, конечно, должен уметь погружаться в свой мир, но также должен соприкасаться с более богатым реальным миром — всё это становится источником вдохновения. Вежливо отвергая одну за другим женщин, подходивших познакомиться, Чэн Чжаньси едва заметно нахмурилась. Она сделала глоток напитка и решила, что дождётся окончания этого танца Юй Цзяньсин и попросится домой.

Музыка грохотала, огни разных цветов мигали, на танцполе творилось что-то невероятное, повсюду целовались, прижавшись друг к другу. Художница, полгода проводившая в уединённом творчестве, с трудом переносила такую атмосферу.

Юй Цзяньсин, вся в поту, вернулась с танцпола, залпом допила остаток коктейля и заказала ещё один.

Чэн Чжаньси:

— ...

Юй Цзяньсин больше не пошла танцевать, а продолжала потягивать напиток, и Чэн Чжаньси пришлось отказаться от мысли уехать. Возможно, из-за того, что они сидели вместе, к ней стало меньше подходить людей. Чэн Чжаньси сменила коктейль на сок и, медленно посасывая соломинку, перевела взгляд на более спокойные уголки заведения.

Кое-кто целовался в тёмных углах, кое-кто сидел в одиночестве.

Взгляд Чэн Чжаньси вдруг замер.

Примерно в половине зала, боком к ней, стояла фигура, показавшаяся ей знакомой.

Юй Цзяньсин проследила за её взглядом, наклонила голову и, прищулив свои пьяные глазки, разглядела:

— Этот человек... почему он так похож на того, кого ты нарисовала?

Губы Чэн Чжаньси шевельнулись, но она ничего не сказала.

— Не может быть! — Юй Цзяньсин, видя, что Чэн Чжаньси словно подтверждает молчанием, чуть не поперхнулась напитком и закашлялась. — Какая же это случайность?

Чэн Чжаньси подумала: Я тоже хочу знать, как так вышло.

Она разжала зубы, перестав жевать соломинку, и впиалась взглядом в ту фигуру.

Если это можно назвать встречей двух судеб, не стоит ли попытаться?

Пока она колебалась, подойти или нет, та вдруг обернулась и посмотрела прямо на неё.

Спокойные глаза, прекраснее лунного света.

Свет бара освещал её бледное, почти прозрачное лицо, а родинка у внешнего уголка глаза была чётко видна и очаровательна.

Сердце Чэн Чжаньси пропустило удар.

Перед Юй Цинтан уже стоял третий стакан сока.

Она плохо переносила алкоголь, поэтому, чтобы избежать неприятностей, не притрагивалась к нему.

Красивые женщины всегда в центре внимания. Юй Цинтан была в светлом платье, чёрные прямые волосы ниспадали на плечи, кожа была удивительно белой, а черты лица безупречны — ни единого изъяна. Даже несмотря на то, что с момента её входа она сидела в углу одна, поток желающих познакомиться не иссякал.

У её уха раздались шаги, и мягкий женский голос произнёс:

— Здравствуйте, здесь занято?

<http://bllate.org/book/16859/1552375>